R 261
491

Петръ Струве.

Графъ С. Ю. Витте.

Опытъ характеристики.

Книгоиздательство „Русская Мысль“.
Москва-Петроградъ.
1915.

142 03

2007088147

Библиотека имени В. Е. Асеева

Типо-литография Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1915.

Гр. С. Ю. Витте представлялъ историческую фигуру, настолько выразительную, что о немъ не нужно и нельзя писать некролога. Некрологъ обычно это—собраніе умолчаній, плодъ ретушировки, продиктованной особымъ чувствомъ невыясненности того лица, оцѣнку котораго, послѣ все примиряющей смерти, приходится давать.

О Витте нельзя спорить и совершенно не нужно писать съ умолчаніями и экивоками. Это была сложная и противорѣчивая фигура; но всѣ различные уклоны, складки и противорѣчія ея были обнажены, и именно въ ихъ обнаженности, если угодно, заключалось въ значительной мѣрѣ своеобразіе этой исторической фигуры. Далѣе, значеніе людей, становящихся крупными государственными дѣятелями, часто опредѣляется вовсе не размѣромъ ихъ личности, а тѣмъ, что они попали въ опредѣленную историческую минуту на опредѣленную полочку. Задача и обстановка творятъ не только человѣка, онѣ часто создаютъ все значеніе человѣка. Историческіе дѣятели часто въ буквальномъ смыслѣ сосудъ, въ который по какому-то капризу влилось опредѣленное содержаніе. Часто исторія выбираетъ своимъ орудіемъ если не перваго попавшагося человѣка, то просто того изъ многихъ, которые были „подъ рукой“. Витте совсѣмъ не принадлежалъ къ такимъ случайнымъ людямъ исторіи: его значеніе связано съ размѣрами его личности, есть его собственное, а не заимствованное значеніе.

Въ исторіи русскаго управленія мало фигуръ можно поставить рядомъ съ Витте и одного только человѣка можно поставить выше его: Сперанскаго. Но и то не по личной даровитости, которою Витте превосходилъ всѣхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, облеченныхъ властью, начиная съ Александровской эпохи и кончая нашими днями. Витте былъ, несомнѣнно, геніальнымъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ бы ни оцѣнивать его нравственную личность, его образованность и даже результаты его дѣятельности. Болѣе того: всѣ личные недостатки Витте лишь подчеркиваютъ его политическую геніальность. Подчеркивается она и тѣмъ, что, какъ государственный дѣятель, Витте не обладалъ никакими знаніями, былъ, вопреки довольно распространенному противоположному мнѣнію, попросту говоря, необразованнымъ человѣ-

комъ. Экономическій „геній“ Витте слѣдуетъ искать не въ плохихъ грактатахъ по политической экономіи, написанныхъ чужими руками, а въ государственномъ творчествѣ, свободномъ отъ путъ доктринъ и съ какой-то державной легкостью разрѣшавшей трудности, передъ которыми останавливались мудрецы и знатоки. Способность Витте понимать самые трудные государственные вопросы, находить самыя разумныя рѣшенія въ запутанныхъ областяхъ управленія, выбирать нужныхъ людей опредѣлялась геніальной интуиціей рожденнаго государственнаго дѣятеля и администратора, а вовсе не опытомъ и не какимъ-либо „знаніемъ“. Его тяготѣніе къ наукѣ и ученымъ, его широко либеральная оцѣнка высшаго образованія, памятникомъ которой навсегда останутся политехническіе институты, были выраженіемъ геніальнаго инстинкта и піэтета къ наукѣ человѣка, который самъ всегда стоялъ внѣ науки и ей былъ глубоко чуждъ.

Нравственная личность Витте—слѣдуетъ прямо сказать—не стояла на уровнѣ его исключительной государственной одаренности.

Я не говорю объ его свойствахъ какъ частнаго человѣка, которыхъ я не знаю. Но нравственная личность государственнаго человѣка проявляется и въ политической дѣятельности. Витте не былъ просто оппортунистомъ, его гибкость и приспособляемость шли гораздо дальше того дѣлового приспособленія къ условіямъ мѣста и времени, которое необходимо въ практической политикѣ.

Онъ былъ по своей натурѣ безпринципенъ и безъидеенъ. Политическая исторія знаетъ много крупныхъ до геніальности политическихъ дѣятелей, измѣнявшихъ свои взгляды и, соотвѣственно этому, переходившихъ на новые пути. Гладстонъ, Бисмаркъ, Чемберлэнъ, Побѣдоносцевъ принадлежатъ къ числу классическихъ примѣровъ политическихъ превращеній. Въ дѣятельности Витте никогда не было идейнаго центра, къ которому онъ морально тяготѣлъ бы. Витте не измѣнялъ въ этомъ смыслѣ взглядовъ и принциповъ, ибо ихъ у него вовсе не было. Витте никогда не былъ ни либераломъ, ни консерваторомъ. Но иногда онъ былъ намѣренно реакціонеромъ; иногда же присоединялся къ силамъ прогрессивнымъ. Его стихіей однако была область государственнаго строительства, политически и нравственно безразличнаго. Когда онъ становился лицомъ къ лицу съ общими вопросами политики, онъ не способенъ былъ восходить къ моральнымъ основамъ такихъ вопросовъ. Оттого такіе великіе вопросы русской жизни, какъ община, университетъ, земство, такъ легко превращались подъ его руками въ матеріалъ для интригъ, для „ходовъ“, при которыхъ какія-либо общія начала и даже интересы родины и народа стушевывались передъ борьбой за власть и вліяніе. Въ Витте не было ни грана идеализма и въ его гибкости была изрядная доля органическаго цинизма. Вотъ почему могло сложиться и широко укорениться представленіе, что отъ Витте можно всего ожидать.

Отсутствіе морально-идейнаго стержня у Витте было особенно поразительно именно въ связи съ его политической геніальностью. Это оно налагало на всю его фигуру какой-то почти зловѣщій отпечатокъ.

Въ сущности, ту же самую черту можно выразить и охарактеризовать еще съ другой стороны. Одинъ изъ творцовъ конституціонной Россіи, самъ Витте былъ совершенно лишенъ всякаго чувства права. Мы знаемъ, что Сперанскій подъ ударами судьбы согнулся и согнулъ свое правосознаніе. Но Сперанскій не только какъ юристъ, а какъ моральная личность въ самыя тяжелыя времена былъ напоенъ чувствомъ и идеей права. Этого Витте совсѣмъ не было дано. И не потому, повторяемъ, что онъ не былъ юристомъ, а потому, что права и правды Витте никогда не чувствовалъ, въ нихъ никогда не жилъ.

Въ другихъ условіяхъ государственной жизни атмосфера права обнимала бы со всѣхъ сторонъ такого государственнаго дѣятеля, какъ Витте, и самый вопросъ о томъ, было ли у него чувство права, не возникалъ бы вовсе. Но въ Россіи конца XIX и начала XX вѣка нужно было и нужно до сихъ поръ вести **борьбу за право**. Витте душой никогда не могъ вести такой борьбы, и въ этомъ громадное отличіе отвѣтственнаго автора манифеста 17-го октября отъ автора плана государственнаго преобразованія Россіи. Сперанскій, поскольку онъ начертывалъ новое право, дѣлалъ это смѣло, упреждая свое время, дерзновенно прозирая въ будущее. Витте, какъ геніальный дѣлецъ, только раскрылъ затворы для чуждаго ему бурнаго потока новаго правосознанія и преобразованія, который—это было уже явно—нельзя было остановить и который поэтому необходимо было канализировать.

Для правового творчества необходимы подъемъ и полетъ особаго рода, не просто дѣловая и дѣлеческая геніальность. И этого подъема и полета, несмотря на всю изумительную одаренность Витте, ему не было дано.

Но понимать и оцѣнивать Витте нужно именно въ масштабѣ **такихъ** сопоставленій. Всякіе современники склонны создавать мнимыя, дутыя величины и рядомъ съ этимъ преуменьшать свое время именно въ его самыхъ крупныхъ проявленіяхъ. По этой психологической причинѣ Витте недостаточно оцѣнивался у насъ при жизни. Его слабости и недостатки скрадывали совершенно необычные размѣры его личности. Смерть сразу можетъ и должна въ этомъ отношеніи внести должныя поправки и пролить истинный свѣтъ.

Витте не только былъ исключительно одареннымъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ вложился своею личностью въ великія событія и воплотилъ свою энергію въ большихъ дѣлахъ. Преобразованіе тарифнаго дѣла, управленіе русскими финансами въ сложную эпоху окончательнаго перехода всего русскаго народнаго хозяйства на капиталисти-

ческій путь, самая смѣлая и грандіозная валютная реформа, когда-либо произведенная, введеніе казенной продажи вина и вообще подъемъ техники финансоваго управленія до чрезвычайно высокаго уровня, опросъ Россіи объ ея нуждахъ черезъ достопамятные сельскохозяйственные комитеты, портсмутскій миръ, манифестъ 17-го октября, рядъ важнѣйшихъ законовъ 1905 и 1906 гг.—все это и многое другое связано съ именемъ Витте въ русской исторіи.

Витте потерпѣлъ неудачу въ дѣлѣ осуществленія манифеста 17-го октября. Но какъ бы строго ни судить его дѣятельность въ трудную эпоху между обнародованіемъ великаго манифеста и созывомъ первой Государственной Думы,—не въ ошибкахъ Витте, конечно, ключъ къ неудачѣ этихъ первыхъ шаговъ нашей конституціонной жизни.

Безспорно онъ сдѣлалъ много ошибокъ, но и безъ нихъ переходъ къ новому государственному строю былъ соединенъ съ трудностями непреодолимыми. Великая реформа 1905 г. была неизбѣжна, но она нашла и власть, и народъ неподготовленными къ принципіально новымъ отношеніямъ. Самъ Витте не умѣлъ даже технически приступить къ разрѣшенію новыхъ задачъ совершенно иного порядка, чѣмъ задачи того чисто бюрократическаго управленія, въ дѣлахъ котораго онъ искусился. Между провозглашеніемъ началъ правового государства и ихъ осуществленіемъ въ практикѣ взаимодѣйствія народа и власти лежало огромное разстояніе, воздвигались препятствія, которыя никакая личная воля не могла побороть. Правда, Витте не только не преодолѣлъ трудностей, онъ въ значительной мѣрѣ потерялся въ нихъ и среди нихъ. Тутъ обнаружились роковые предѣлы, въ которые не могла не быть заключена дѣятельность Витте, какъ геніальнаго администратора-практика стараго абсолютнаго порядка и какъ человѣка, котораго геній правды совершенно не коснулся.

Витте понялъ необходимость коренного преобразованія нашего государственнаго строя, но, какъ человѣкъ стараго порядка, онъ въ новыхъ условіяхъ, рожденныхъ въ бурѣ и грозѣ, не могъ разомъ и побѣдоносно разобраться. Состояніе, въ которомъ находился Витте послѣ 17-го октября 1905 г., было состояніемъ недоумѣнія, растерянности и пассивности. Между тѣмъ, только активная борьба направо и налѣво и чрезвычайная творческая активность управленія могли бы тогда кристаллизовать и въ правительствѣ и въ обществѣ дѣеспособные элементы, которые были бы въ силахъ осуществить властвованіе въ духѣ новыхъ началъ. Въ этой обстановкѣ Витте положительно не нашелся. Но никто не можетъ сказать, что, даже если бы онъ въ ней и нашелся, его дѣятельность увѣнчалась бы успѣхомъ. Конечно, активность Витте въ эпоху съ октября 1905 г. по апрѣль 1906 г., можетъ быть, иначе направила бы развитіе нѣкоторыхъ нашихъ политическихъ отношеній,

но основныхъ трудностей, заключающихся въ самой стремительности перехода отъ стараго порядка къ новому, даже она не смогла бы преодолѣть. Вѣдь ошибки и неподготовленность цвѣта русской оппозиціи—кадетовъ,—въ эту эпоху были врядъ ли меньше, чѣмъ ошибки и неподготовленность власти и правительства.

Фигура Витте стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ русской исторіи и принадлежитъ имъ обѣимъ. Размѣры этой фигуры таковы, что для нея въ извѣстномъ смыслѣ разомъ наступила исторія, и въ самый день смерти стала принципіально возможна справедливая оцѣнка. При такой оцѣнкѣ нужны большіе масштабы. Исчезъ съ исторической сцены человѣкъ, исключительная одаренность котораго только подчеркивается его слабостями и недостатками — несмотря на всѣ свои очень большіе недостатки и весьма крупныя ошибки, Витте вложился въ дѣла великаго историческаго значенія не какъ случайная фигура, которой выпалъ счастливый жребій, а какъ человѣкъ, отмѣченный государственнымъ призваніемъ.

2007088147

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Петроградъ, Нюстадская, 6.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора **„Введеніе въ метафизику".** Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ.* Стр. 238. Цѣна **1** р. **50** к.

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный перев. съ франц. *В. Флеровой.* Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332. Цѣна **1** р. **75** к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ.* Подъ ред. *С. В. Лурье.* Стр. 518. Цѣна **2** р. **50** к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франка.* Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна **2** р. **50** к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка.* Стр. 256. Цѣна **1** р. **80** к.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна **3** рубля.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна **1** р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной" Россіи. Статьи „Замаскированное самоубійство" и „Политическая провокація" посвящены террору и провокаціи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **50** к. (Изданіе распродано.)

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна **15** к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). **Русская литература по ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.** Вып. первый (декабрь 1911 г.—декабрь 1912 г.). **Библіографическій обзоръ.** Стр. 55. Цѣна **60** к. (Изданіе распродано.) Вып. второй (декабрь 1912 г.—декабрь 1913 г.) Стр. 56. Цѣна **60** коп.

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. Стр. 40. Цѣна **60** к.

ЛИТЕРАТУРА И ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Бунинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна **1** р. **75** к.

„Книга эта,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ извѣстную цѣльность: критическіе опыты и этюды... связаны между собой общностью нѣкоторыхъ развиваемыхъ въ нихъ мыслей... Я старалась уяснить себѣ основы эстетики".

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Содержаніе: **Цѣль творчества.** (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искусствѣ. Часть III. Пресуществленіе).—**Красота и свобода.**—**Цвѣты и кристаллы.**—**Искусство вожатый.**—**Тишина.**—**О воздушныхъ мостахъ критики.**—**Путь и цѣль въ искусствѣ.**—**Дитя и геній.** Стр. 253. Цѣна **1** р. **75** к.

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (перевела) **Объ Окассенѣ и Николетъ.** Старофранцузская сказка-пѣснь. Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Печатается:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга.*

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Лѣсной просп. [бывш. Нюстадская], 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.